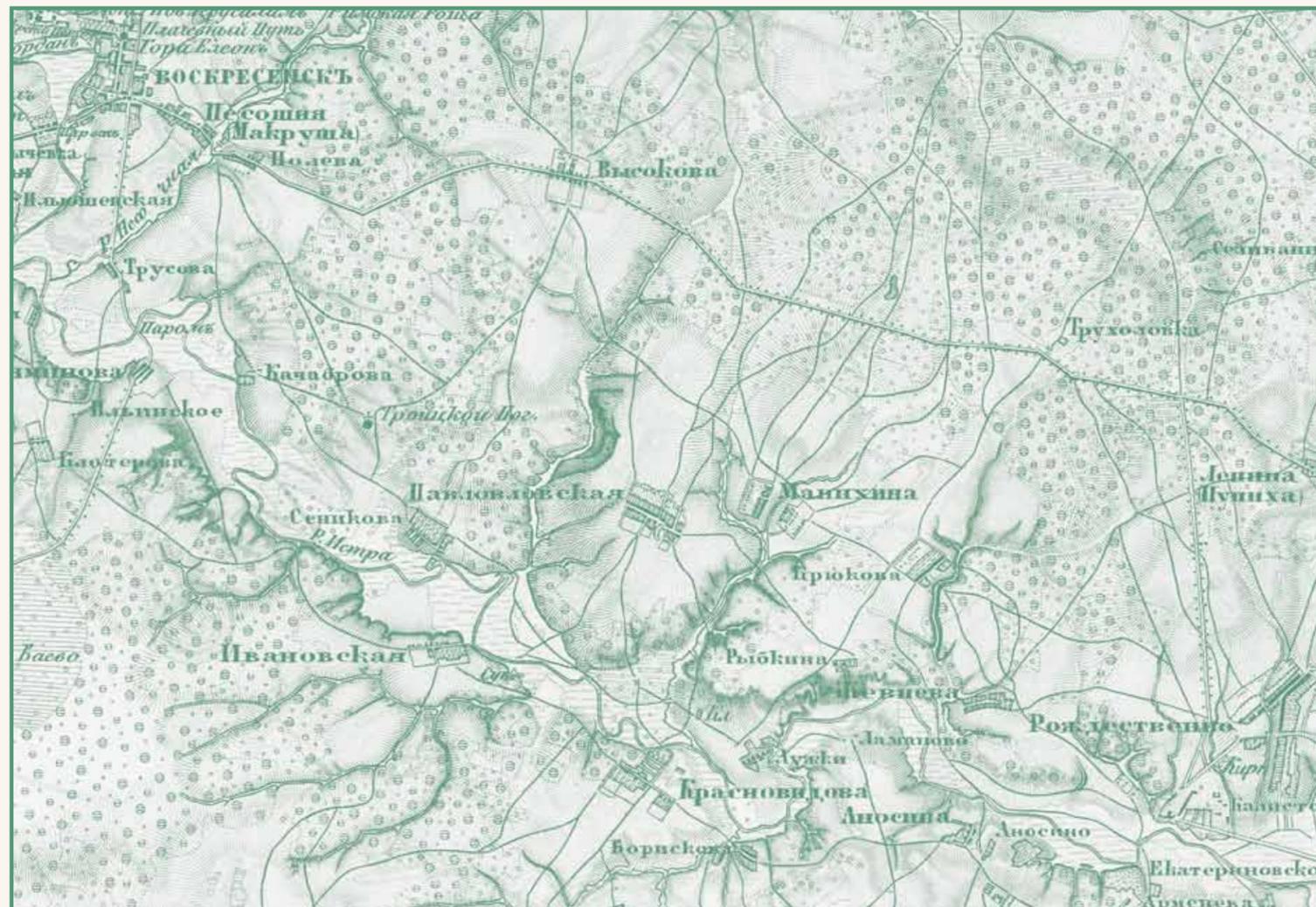

Благотворитель Цуриков

В ближайшее время выйдет в свет новая книга краеведа и историка, члена Союза российских писателей и постоянного автора рубрики «История края» Сергея Мамаева. Одна из глав книги, посвящённой его краеведческим исследованиям последних лет, повествует **о незаслуженно забытом Павле Григорьевиче Цурикове**. В своё время он был крупнейшим благотворителем Звенигородского уезда, человеком выдающимся и многогранным. Чего только стоит тот факт, что, родившись в семье крепостных крестьян, он закончил жизнь потомственным дворянином в чине действительного статского советника, в чине, не высиженном в канцеляриях и управах, а полученном в воздаяние многолетних плодотворных трудов на благо Истринской земли.

текст
Сергея Мамаева

Село Ивановское и окрестности на карте 1860 года

Максима Попова с сыновьями».

Хоть и считалось, что браки заключаются на небесах, родители часто старались приобрести с них максимум выгоды. Браком по расчёту явился и союз Павла Григорьевича Цурикова с обедневшей дворянкой из Воскресенска Анной Сергеевной Мингалёвой. В мае 1837 года они обвенчались в Петропавловской церкви в селе Лужки, где Григорий Михайлович был церковным старостой. По воспоминаниям потомков, молодые сначала не стремились к этому браку, за них, как и было принято, всё решили родители. Старший Цуриков желал выдать сына за дво-

Павел Григорьевич Цуриков

Павел Григорьевич Цуриков родился 16 января 1812 года (3 января по старому стилю) в усадьбе Покровское-Рубцово Звенигородского уезда Московской губернии. Его родители, Григорий Михайлович и Матрёна Анисимовна, были дворовыми людьми господ Голохвастовых. Дворовые люди — это особый разряд крепостных крестьян, которых господа использовали в качестве домашней прислуги. В те времена даже средней руки помещик мог содержать в своём имении несколько десятков человек крепостных слуг.

Григорий Михайлович был на хорошем счету у своего хозяина, являлся специалистом по устройству плотин, за что даже удостоился однажды государственной награды (за установку запруды для Павловской суконной фабрики). Это было редким явлением, так как крепостные крестьяне обычно не имели никакого образования. Не все даже могли поставить подпись за себя по неграмотности, не говоря уже об умении читать, писать, и тем более производить расчёты непростого гидросооружения.

В 1817 году Григорий Михайлович Цуриков арендовал у экономических крестьян деревни

Ивановской Звенигородского уезда «пустопорожнюю землю на реке Истре, негодную для полевых работ». По этой земле, которую местные жители называли «Коровий брод», гоняли скот на водопой. Цуриков же облюбовал это место для постройки плотины, водяной мукомольни и сукновального амбара.

По характеру Григорий Михайлович был чисто русским человеком: умным, работающим и простодушным. Всех своих детей, а их было пятеро, он в 1830 году «выкупил на волю» (то есть они уже не были крепостными), сам же остался подневольным человеком. По одной из версий, он сам не хотел получить вольную, по другой — его не отпустил Голохвастов. Согласно семейному преданию, предок Цуриковых был выходцем из швейцарского города Цюриха и был зачислен в начале XVIII века в дворовые Голохвастовых. Однако возможны и другие версии появления фамилии.

О жизни семьи Цуриковых в первой четверти XIX века воспоминаний практически не сохранилось, но в изданной в 2007 году книге «Женская Оптина» настоятельница Аносинского

монастыря игуменья Алипия (Таишева) поведала удивительную версию о том, как Цуриковы быстро разбогатели: «После войны с Наполеоном на своем огороде они обнаружили бочку с драгоценностями, вывезенными французами из Москвы. Часть драгоценностей пошла в казну, часть получила эта семья».

Никаких документальных подтверждений этой истории не нашлось, и из воспоминаний потомков можно сделать вывод, что вряд ли всё было именно так. Никакого капитала у старшего Цурикова не было, поэтому при устройстве фабрики ему пришлось искать компаньона для покупки нужного оборудования. Своих средств ему не хватало. Да и вообще, дворовый человек, затеявший строить фабрику — событие незаурядное!

Примерно с 1835 года его сын Павел Григорьевич Цуриков, ставший к тому времени уже звенигородским купцом третьей гильдии, начал принимать участие в управлении суконной фабрикой отца. По законам того времени купцы третьей гильдии могли вести мелочную торговлю, содержать трактиры и постоянные дворы, заниматься ремеслом. А вот чтобы владеть фабрикой или заводом, нужно было переходить в следующую, вторую купеческую гильдию, что младший Цуриков и сделал в 1849 году.

Укрепляя торговые отношения, Григорий Михайлович старшую дочь Наталью выдал замуж за суконного торговца Дмитрия Васильевича Финляндского, а младшую Матрёну — за купца Макси-

Ивановская суконная фабрика. Середина 1890-х годов

ма Ефимовича Попова. Цуриков-старший сразу заметил разносторонние способности Максима Ефимовича и, минуя старшего зятя, вступил с Поповым в деловой контакт. С 1847 года ни один товар Ивановской фабрики не доходил до покупателя, минуя Попова, а впоследствии «Товарищества

рянку, Мингалёв же видел в этом браке возможность поправить финансовое положение семьи. Для молодой семьи Цуриковых при фабрике был построен дом с мезонином, двумя открытыми террасами и тёплой уборной.

Анна Сергеевна была «благовоспитанной светской барышней, получи-

Анна Сергеевна Мингалева

ла хорошее домашнее образование, владела французским языком». Она как умный и интеллигентный человек, сумела внести в обстановку купеческого дома Цуриковых атмосферу дворянской культуры. Племянник Сергей Максимович Попов вспоминал об Анне Сергеевне: «Выходя замуж за простого необразованного человека, она, будучи дворянкой и образованной девицей, но без средств, сумела возвысить до себя своего мужа».

Павел Григорьевич действительно сначала был противоположностью своей жены. Сближало супругов ревностное отношение к вере, да и познакомились они, к стати говоря, когда Анна Сергеевна однажды шла в храм. Как вспоминали современники, Павел Григорьевич называл свою жену «Анатушенька», а при расставании они «целовали друг другу руки, как это делают духовные лица».

К середине XIX века Ивановская суконная фабрика стала одним из самых успешных предприятий России. Как люди высоко нравственные, отец и сын Цуриковы не были одержимы прибылью ради личного обогащения: со временем Павел Григорьевич стал крупнейшим благотворителем Звенигородского уезда, огромные денежные средства направлял окрестным православным храмам и монастырям, в основном помогая в строительных и ремонтных работах и покупке церковной утвари.

Примером ему послужил почивший отец, который, разбогатев, ежегодно 7 апреля, в день Благовещения Богородицы, анонимно отправлял в Аносинский Борисоглебский монастырь целый обоз с хлебом и крупой. Лишь после смерти Григория Михайловича в 1852 году в обители узнали имя своего бывшего благотворителя. Как староста, старший Цуриков вместе с супругой был похоронен за алтарём церкви в селе Лужки. Надгробие Матрёны Анисимовны сохранилось до наших дней, а надгробный памятник Григория Михайловича был в советские годы утрачен и в 2013 году заменён новым.

Павел Григорьевич, ставший после смерти отца единственным владельцем фабрики, помогал не только Аносинскому, но и Ново-Иерусалимскому в Воскресенске, и Саввино-Сторожевскому монастырю в Звенигороде. В частности, в 1862 году на его пожертвования на месте пещеры, ископанной Саввой Звенигородским, был выстроен храм, как «памятник духовных бедней и молитвословий преподобного». Тогда же «для помещения при нём четырёх человек братии» был устроен одноэтажный каменный корпус, обнесённый каменной оградой с тремя башнями. В 1872 году, в десятую годовщину возникновения Саввинского скита, на пожертвования Павла Григорьевича обновили здания и выстроили ещё несколько келий для братии, в том числе каменный двухэтажный корпус с церковью святителя Николая. Это лишь один из многочисленных фактов благотворительности Павла Григорьевича Цурикова.

Несколько лет назад мы вместе с Истринским краеведом Сергеем Павловичем Носиковым собрали информацию и оформили отдельный стенд в Истринской центральной библиотеке

Павел Григорьевич Цуриков. Середина 1870-х годов

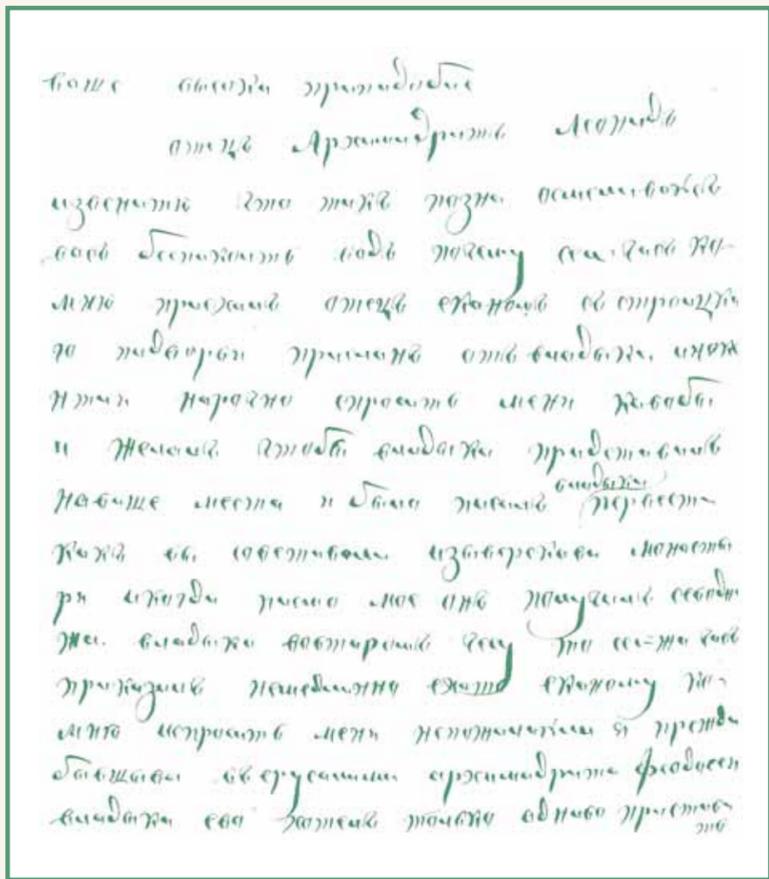
имени Чехова, на котором представили в сжатом виде все благотворительные дела Цурикова, известные нам на тот момент. Такой же стенд украсил и притвор Петропавловского храма в селе Лужки. Но, конечно же, нами тогда был собран не полный список, потому как не ради славы Цуриков помогал нуждающимся — делал он это порой тайно. С уверенностью можно сказать, что о части его благотворений не удастся узнать никогда.

Пока удалось отыскать лишь два портрета Павла Григорьевича. На одном из них он изображен сидящим на стуле вполоборота. Среднего роста мужчина, плотного телосложения, одетый в богатый сюртук с бархатными отворотами. На груди — орден святого Владимира, дававший тогда право потомственного дворянства. Волосы причёсаны на прямой пробор, по-русски, на висках немного вьются. Широкий лоб, густые брови, серьёзный открытый взгляд. Как писали в мемуарах его современники, «всё это создаёт образ разбогатевшего буржуа».

В деревне Цуриков всегда ходил в картузе, но, приезжая в Москву,

истра.рф №11

история края

Фрагмент письма Цурикова наместнику Ново-Иерусалимского монастыря. 1877 год. Из фондов НИОР РГБ

Григорьевича. Настоятельница Борисоглебского монастыря в Аносине игуменья Евгения вспоминала, что в октябре 1871 года Цурикову подкинули несколько писем с угрозой сжечь фабрику, если не уплатит назначенную сумму.

Дом основателя фабрики у главных ворот. Начало XX века

непреренно надевал цилиндр. «Характера он был, — вспоминал его племянник, — пожалуй, добродушного, хотя на фабрике являлся строгим и взыскательным хозяином; особенно не любил пьянства и картёжной игры».

Можно себе представить, какого труда, мужества, упорства потребовало обустройство «территории трезвости» на Ивановской фабрике и вокруг неё! Павел Цуриков настоял на том, чтобы все близлежащие к фабрике селения на расстоянии до 8 верст не позволяли открывать у себя питейные дома, за что платил обывателям этих селений ежегодно «не меньшую сумму, чем какую они могли получить с владельцев этих заведений». Именно поэтому на Ивановской фабрике, в отличие от многих других, не процветало пьянство. Сам Цуриков, как уже отмечалось, крайне негативно относится к алкоголю, позволяя себе лишь иногда за обедом выпить рюмку сладкой настойки.

Не могу не рассказать небольшую историю, позволяющую представить некоторые черты характера Павла

Шантаж, как видим, — изобретение не нынешних времён.

Тайная полиция в течение нескольких дней так и не сумела выйти на след винователю. Павел Григорьевич обратился в Аносинский монастырь, отслужил

Никогда уже не узнать, как и о чём говорил Павел Григорьевич с преступником, что тот отвечал, — может быть, и обещал, и клялся. Достоверно же знаем, что Цуриков несостоявшегося поджигателя простил и всё дело велел покрыть молчанием.

Павел Григорьевич лично вёл деловую переписку с компаньонами и духовными лицами, хотя и писал с ошибками. По сохранившимся письмам нетрудно заметить, что в грамоте Цуриков был не силён. Но зато он, человек от природы необычайно одарённый, никакой бухгалтерии на фабрике не имел: говорил, что она была вся у него в голове. Расплачивался со всеми рабочими, которых было порядка тысячи человек, собственноручно. Потрясающая память на лица, на цифры, на всё многообразие дел! Таких людей в народе зовут не иначе как самородками.

Кажется, Павел Григорьевич успевал заниматься всем: успешно вёл дела на фабрике, старался, как мог, облегчить тяжёлые условия жизни рабочих, строил и благоукрашал окрестные храмы, был директором Звенигородского уездного отделения Попечительного комитета о тюрьмах.

Много средств тратил он и на развитие образования, будучи попечителем сразу трёх учебных заведений: Лужковской сельской приходской училища, сельского училища при Успенской церкви в Ивановском и школы в Воскресенске.

Именно туда, в Воскресенскую школу, позднее был приглашён преподавателем Иван Павлович Чехов — родной брат великого писателя. Стало быть, появление Антона Павловича в Воскресенске, узнаваемом в некоторых его рассказах и пьесах, тоже связано с фамилией Цуриковых.

Заботы Павла Григорьевича о ближних были чрезвычайно многообразны, он входил во все обстоятельства жизни людей, его окружавших. Ему, прошедшему серьёзную школу жизни, были понятны беды, горести и заботы

и крестьянина, и рабочего, и сироты, и вдовицы. Судя по его нраву, он и добро творил без сантиментов, с деловой серьёзностью, не унижая своей щедростью, не требуя благодарности. Увы, для многих, как известно, заповедь о свершении добрых дел — лишь строка в Писании: «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». А для Цурикова христианские заповеди, как свидетельствует его жизнь, были руководством к действию.

Он помогал пострадавшим от пожара, всем умершим отпускал гробы, что было большим подспорьем при похоронах, больным предоставлял бесплатное лечение в фабричной больнице, инвалиды получали от него ежемесячное содержание. И это лишь то, что известно. Для всех двери дома благодетеля были открыты, всякий нуждавшийся получал помощь, и делалось это от чистого сердца.

реки Истры. Ни моста, ни переправы тогда не было. Это его очень огорчило, сел он на вершине Ивановской горы и заплакал. Сидя, уснул, и было ему видение, что должен он построить на этом месте церковь, чтобы никто из жителей этих мест не был лишён духовной радости в Великий праздник побывать в храме Божьем. Проснувшись, будущий храмоздатель успокоился и в том же году начал готовить всё необходимое для строительства.

Успенский храм с двумя приделами в трапезной был заложен 25 июля 1864 года с благословения митрополита Московского Филарета (Дроздова), а спустя всего четыре года готов к освящению, которое и состоялось в воскресный день 29 сентября 1868 года. Белоснежный храм на фоне осеннего убранства и голубого неба выглядел чудом Божиим. Очевидцы отмечали, что он «по изяществу отделки не имеет

Герб дворянского рода Цуриковых. 1880 год. Из фондов РГИА

Такие крупные и многочисленные благодеяния Цурикова в пользу храмов и монастырей не могли оставаться

Саввинский скит близ Звенигорода. 2008 год. Фото С. Носикова

Ещё одним большим делом благодеяния было создание храма при Ивановской суконной фабрике (не сохранился). Удивительна предыстория строительства этой церкви, рассказанная врачом Павла Григорьевича Цурикова. Однажды, в светлый день Пасхи, отправился Павел Григорьевич в приходскую церковь в селе Лужки, но попасть на праздничную службу так и не смог из-за сильного разлива

себе подобного в провинции и весьма мало в столицах». Место для храма было выбрано очень удачно — на продолжении горы, у подножия которой располагалась Ивановская суконная фабрика. Белая колокольня Успенской церкви виднелась издалека, а перезвон её колоколов слышался за несколько вёрст.

незамеченными. По ходатайству высшего церковного органа — Святейшего Правительствующего Синода — Павлу Григорьевичу жаловались различные чины и награды. Первую из них — медаль на Станиславской ленте — он получил в 1858 году за службу старостой в церкви села Лужки. Затем ему был пожалован орден святого Станислава III степени, орден святого Станислава II степени с императорской короной, ор-

ден святой Анны II степени с императорской короной, а в 1871 году — орден святого Владимира IV степени с правом потомственного дворянства. Вот так, в возрасте 59 лет, родившись в семье крепостных, Павел Григорьевич Цуриков стал дворянином! Ещё спустя два года его грудь украсил орден святого Владимира III степени, а за два года до своей кончины Цуриков стал действительным статским советником. Это гражданский чин четвёртого класса Табели о рангах, соответствующий чину генерал-майора в армии.

Но земная жизнь любого, даже самого праведного, человека конечна. После недолгой болезни 18 января (5 января по старому стилю) 1878 года «известный благотворитель и друг человека» Павел Григорьевич Цуриков скончался. Прощание было многолюдным, горестно искренним и торжественным. Отдавая дань скорби и благодарности, прощальную службу вели епископ, три архимандрита и несколько местных священников.

В журнале «Московские епархиальные ведомости» опубликовали некролог: «Прекрасная церковь, устроенная Павлом Григорьевичем, не могла вместить в себя огромного числа народа: молились за помин души новопредставленного около церкви. Последнее прощание было трогательно, все были допущены, и каждый теснился в последний раз приложиться к иконе и поцеловать благодаявшую руку почившего скромного труженика. Гроб был опущен Преосвященным Игнатием в склеп правого придела храма при общей молитве народа».

Уже после смерти Павла Григорьевича, в феврале 1880 года, был утверждён дворянский герб Цуриковых. Изображение и подробное описание герба в рамках нашей совместной работы

над краеведческим проектом «Утраченный Божий Дом» отыскал в историческом архиве в Санкт-Петербурге истринский краевед Сергей Павлович Носиков: «Щит серебряный, разделён червлёным крестом. В противогорностаевой главе щита три червлёных пламени. Щиты украшены дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: червлёное пламя между двумя павлиньими перьями. Намёт червлёный с серебром. Девиз: «Бог моя надежда», червлёными буквами на серебряной ленте».

Начертанный девиз полностью совпал с судьбой Павла Григорьевича. Полученное Цуриковым потомственное дворянство досталось его супруге Анне Сергеевне, с которой они прожили в счастливом браке более 40 лет. Единственное, чего им не дала судьба, так это детей. Всю свою нерастратченную родительскую любовь они отдавали племянникам.

После кончины Павла Григорьевича осталось целое состояние, в том числе и суконная фабрика. Наследство его разделилось на две части: на дела благотворения и супруге. Первое время вдова Цурикова пыталась управлять доставшейся ей Ивановской фабрикой самостоятельно, но это явно её не привлекало, а затем продала фабрику свояку Максиму Ефимовичу Попову и переехала в Воскресенск, где продолжила благотворительные дела покойного мужа.

Скончалась Цурикова в 1907 году и была удостоена чести быть похороненной на территории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. И сегодня все входящие через главные ворота на территорию обители обращают внимание на богатое надгробие Цуриковой, украшенное мозаикой с изображением Божией Матери по ри-

Надгробие Анны Сергеевны Цуриковой. 2005 год. Фото С. Носикова

сунку Виктора Михайловича Васнецова для Владимирского собора в Киеве.

А вот захоронение самого Павла Григорьевича не сохранилось. После закрытия советскими властями Успенской церкви его склеп был вскрыт и разорён. Грабители думали, что его, как получившего дворянский титул, захоронили с пожалованной ему золотой шпагой. И, конечно же, никакой золотой шпаги там не нашли.

Надгробный камень Анны Сергеевны — единственное сохранившееся с тех времён свидетельство об известной на всю округу семье благодетелей Цуриковых на Звенигородской (а ныне Истринской) земле. А ведь такие люди достойны светлой памяти за свои заслуги перед нашими предками.

И всё-таки, пусть и с большим запозданием, мы воздаём должное тем, кто послужил нашему краю. Не так давно в селе Покровское-Рубцово (посёлок Пионерский) установили памятник жившему там в начале XX века известному меценату Савве Тимофеевичу Морозову. Хочется думать, что когда-нибудь за благодеяния, за жизнь, достойную памяти и подражания, увековечат в камне или в бронзе и благотворителя Павла Григорьевича Цурикова. Например, в деревне Ивановское, где он жил, трудился на благо Отечества, помогал людям, построил храм Божий и был в нём погребен. ●

Надгробие Григория Михайловича Цурикова. 2015 год. Фото С. Носикова